

Валерия Корнивская

МИРОВЫЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ПРЕХОЖДЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Рассмотрены трансформации капиталистической системы под влиянием информационно-сетевых способов хозяйствования, что сопровождается углублением конфликтности в глобальной системе координат, падением эффективности формальных и неформальных институтов, деструкцией ценностных основ общества, социальной дестабилизацией. Проанализированы растущие противоречия по линии тесно связанного развития геополитических союзников и сателлитов: ЕС и США; при этом сделан вывод, что эффективное преодоление кризисных тенденций в США связано с доминированием сетевых подходов в организации производства и регулирования, которые становятся базовыми в условиях нового технологического перехода. В то же время иерархические подходы, развивающихся сегодня в ЕС в процессе контркризисного реформирования, явно противоречат актуальной информационно-сетевой парадигме, которая предполагает высокий уровень автономии единиц, составляющих структуру целого. Выяснено, что глубокой трансформацией финансово-кредитных институтов при переходе от капитализма к информационно-сетевой экономике является изменение экономического назначения кредита как базового финансового института рыночной экономики: при капитализме кредит используется преимущественно для обеспечения производственного процесса, в информационно-сетевой экономике кредит необходим в целях монетизации спроса для реализации растущих объемов продукции глобальных корпораций.

Ключевые слова: прехождение глобального капитализма, контркризисное реформирование, глобализированный капитализм, глобальные структуры.

JEL: P 43.

Сегодня в мире продолжается глобальная перестановка сил, которая сопровождается движением способа взаимодействия доминирующих игроков от устаревшей системы правил в сторону неограниченных конфликтов и разрывов.

Глобализированный капитализм конфликтует с государствами, которые пытаются его регламентировать, при этом сетевые механизмы взаимодействия вступают в противоречие с государством как олицетворением фундаментальной социальной иерархии. Разворачивается кризис государственно-иерархического мироустройства на фоне формирования глобальных сетей управления, которые передают регулирующие сигналы на уровень национальных хозяйств. В результате усиливаются противоречия между глобальными структурами и суверенными государствами.

Обостряются противоречия между глобальным и национальным уровнями экономической активности: мировые игроки усиливают власть

Корнивская Валерия Олеговна (vkornivska@ukr.net) канд. экон. наук; старший научный сотрудник ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

на фоне явных потерь национальных экономических систем¹; финансовые рынки, ставшие катализатором мировой общеэкономической и гуманитарной нестабильности, продолжают занимать доминирующее положение в системе экономических связей, несмотря на структурные и ограничительные реформы финансового пространства. На уровне национальных хозяйств растёт безработица, тогда как на уровне операционной активности ТНК количество занятых увеличивается.

Те неоднозначные процессы, свидетелями которых мы сегодня являемся, демонстрируют сложную прогнозируемость и дальнейшую конфликтность развития мирового экономико-институционального пространства. Характеризуя фундаментальные основания современных глобальных процессов, А. Гриценко отмечает: "Обобщённой современной формой реализации противоречия совместно-разделённого существования является противоречие между глобализацией, которая развивается со стороны совместности и реализуется прежде всего через информационно-технологические и финансово-экономические механизмы, и локализацией, которая развивается со стороны разделённости и реализуется через пространственно-территориальные формы локализации материальных и трудовых ресурсов, способных перемещаться в пространстве со скоростью финансовых потоков и электронных платежей" (Гриценко, Корнивская, 2016).

Конфликтные формы взаимодействия глобализации и локализации демонстрируют трансформации *глобализма как системного эволюционного подхода, выявляют кризис глобального капитализма и кризис капитализма вообще*. Поэтому поиск парадигмы посткризисного развития уже невозможен в рамках трансформаций капитализма².

Имея циклический характер, актуальная глобальная финансово-экономическая нестабильность в тоже время свидетельствует о более глубоких процессах, чем переход к новой стадии развития капитализма. Сегодня речь идёт о формировании новой модели экономической деятельности, посткапиталистической, когда преобразуются базовые институты, структуры и принципы, составлявшие основу экономического функционирования капитализма. Развёртывание противоречия глобализации и локализации свидетельствует об активном вживлении новых принципов реализации экономического и общественного бытия глобальных информационно-сетевых технологий в системы национальных хозяйств. В контексте эволюции хозяйственных систем это можно рассматривать как конфликт иерархического капитализма и информационно- сетевого общества.

¹ Доклад о мировых инвестициях 2015 года свидетельствовал, что, несмотря на продолжающуюся глобальную нестабильность, в 2014 году международное производство продолжает расширяться, при этом объём продаж и активы в зарубежных филиалах транснациональных компаний увеличиваются быстрее, чем у их отечественных компаний: объём продаж и созданная добавленная стоимость выросли соответственно на 7,6 и 4,2%. Число занятых на иностранных филиалах достигло 75 млн человек. Продолжается улучшение финансовых результатов деятельности зарубежных филиалов в принимающих странах, в частности уровень доходности по ввозимым ПИИ увеличился с 6,1% в 2013 году до 6,4% в 2014 году (хотя он по-прежнему ниже по сравнению со средним докризисным уровнем в 2005–2007 годах). На конец 2014 года запасы наличности примерно 5000 транснациональных компаний оценивались в размере 4,4 трлн долл., что на 40% больше по сравнению с кризисным периодом 2008–2009 годов.

² Одним из рецептов выхода из кризиса в свое время были обоснованы трансформации капитализма от парадигмы краткосрочных эффектов к "долгосрочному капитализму". В своей статье в Harvard Business Review Доминик Бартон (известный экономист, один из директоров исследовательской компании МакКинзи) изложил убедительные аргументы в пользу инициативы по переходу от так называемого "квартального капитализма" к инвестированию в контексте долгосрочной перспективы для стимулирования экономического роста. URL: <https://hbr.org/2014/07/capitalism-for-the-long-term>.

Для обоснования современных переходных процессов необходима терминологическая определённость. Понятие глобализма представляет собой способ отображения современных эволюционных процессов, систему мышления, которые разворачиваются до глубинной теоретической концепции междисциплинарных исследований бытия современного человека в глобализирующемся мире.

Современная философия исследует глобализм³ как понятие, определяющее сущность современного этапа развития человеческой цивилизации, при котором возникающие проблемы одинаково актуальны для всего человечества: "глобализм – это направление научного, политического, философского мышления, отражающее способность к восприятию глобальных проблем"; "глобализм – междисциплинарное исследование новых условий эволюции жизни на планете, связанных с общими тенденциями развития цивилизации, теми противоречиями глобального масштаба, субъектом которых выступает человечество в целом и природа, а также исследование глобальных проблем (угрозы ядерной войны, гонки вооружений, разрыва в уровнях развития различных регионов и народов мира, экологического, энергетического, продовольственного кризисов, демографического взрыва и т.д.); совокупность политических стратегий, связанных с организацией и координацией усилий всего человечества против его самоуничтожения"⁴.

Системные представления о взаимообусловленном, взаимоответственном существовании каждого человека, этноса, народа, государства в глобальной системе координат на поверхности общественной жизни реализуются в политике глобализма, когда "глобализм выступает от имени всего мира, как национализм когда-то брал на себя право говорить от имени всего государства" (Мунтян, 2010).

Пройдя путь от системного представления через теоретическую концепцию к активной политике, в современных условиях глобализм стал ещё и идеологией. Сегодня это уже не просто способ мышления, методологический подход в политике, сегодня – это идеология транснациональных корпораций, представляющих доминирующую экономическую единицу в глобальной системе взаимосвязей.

Структурная перестройка крупнейших экономик мира и финансовая либерализация 70-90-х годов XX века вывели на мировую авансцену новый способ организации производства и реализации продукции – глобальную сеть предприятий с новыми механизмами осуществления производственного процесса, менеджмента, экономической культуры; эти предприятия создали основу глобальной экономики. Развитие бизнес-деятельности таких предприятий в рамках всего мирового хозяйства стало материализованной основой подходов глобализма, который начал трансформировать свои базовые принципы в контексте интересов ТНК. При этом глобализм стал идеологией глобального капитализма.

В своё время М. Кастельс писал: "Глобальная экономика – это совершенно новая историческая реальность, отличная от мировой экономики, в которой процессы накопления капитала происходили во всём мире и которая, согласно учению Ф. Броделя и И. Валлерстайна, была, по меньшей мере, с XVI века. Глобальная экономика – это экономика, в которой национальные экономики зависят от деятельности глобализирующегося ядра. Последнее включает в себя финансовые рынки, международную торговлю, транснациональное производство, в определённой степени науку и технологию и соответствующие виды труда. В целом можно определить глобальную экономику как экономику, чьи основные компоненты имеют институциональную, организационную и технологическую способность дей-

³ http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/267.

⁴ Там же.

ствовать как общность (целостность) в реальном времени или в выбранном времени в планетарном масштабе" (Кастельс, 2000).

То глобализированное ядро, о котором говорил Кастельс, с 2007 года находится на этапе кризисной дестабилизации, когда бифуркационные процессы обнаруживают всё больше и больше диспропорций системного характера. В этих условиях обостряется глубинное противоречие, заключающееся в неэффективности глобальных подходов на фоне не просто сохранения, но и актуализации институциональных сред национальных государств; на поверхности экономических явлений оно развертывается как кризис взаимодействия наднациональных органов и институтов суверенных государств, транснациональных корпораций и национальных правительств. Общесистемным результатом этих процессов стала интернациональная социальная катастрофа глобального масштаба, которая заключается в росте неравенства и обнищании населения. Следует принимать во внимание, что подходы глобализма часто проявляли свою ограниченную эффективность, вспомним хотя бы политику Вашингтонского консенсуса, которая всегда вызывала протесты антиглобалистов. Проблема заключается в том, что экономическая несправедливость, неравенство и социальные деструкции никогда не достигали таких масштабов. Диспропорции глобального капитализма обострили классовый характер современных экономических процессов, заставляя задуматься над кризисом капитализма как такового.

Причиной таких тенденций стала финансовая либерализация как часть политики глобализма. В марте 2016 года вышла в свет системная работа Д. Фурчери и П. Лунгани, в которой они доказывают, что "свободное движение капитала через национальные границы в теории несёт в себе многочисленные преимущества, на практике либерализация часто приводила к экономической нестабильности и финансовому кризису. Это, в свою очередь, приводит к неблагоприятным последствиям для многих людей, особенно тех, кто не является зажиточным. Либерализация также отрицательно влияет на относительную эффективность переговорных позиций компаний и работников (то есть капитала и труда на жаргоне экономистов), так как капитал обычно может с большей лёгкостью пересекаться через национальные границы, чем трудовые ресурсы. Угроза вывода производства за границу делает более слабыми переговорные позиции работников и сокращает долю общего дохода, которая им достаётся" (Фурчери, Лунгани, 2016). После открытия странами своих счетов с капиталом неравенство в странах всегда росло.

Важно, что даже в США – стране, которая является проводником глобализационных процессов, – проблема неравенства стоит чрезвычайно остро уже не одно десятилетие. Причины, факторы и результаты этих сложных процессов в своей работе "Цена неравенства" исследует Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц. Именно из-за роста влияния кризисных процессов на население и социальных дисбалансов сегодня новоизбранный президент Д. Трамп обосновывает актуализацию национальных интересов и реиндустриализацию как единственно возможные пути посткризисного развития.

И ситуация в США, и BREXIT в Соединённом Королевстве, и усиление национальных движений в Европе и мире являются актуальным проявлением фундаментального противоречия между неопределёнными последствиями политики глобализма и чётко определённым потенциалом института суверенных государств как на практике, так и в сфере идеологии. Уже сегодня это привело к обесцениванию риторики глобализма как идеологического инструмента содействия экономической деятельности в рамках наднационального экономического пространства; ведь для транснациональных корпораций эффект от такой деятельности является максимальным, другое дело – национальные экономические пространства, которые явно проигрывают перед лицом глобального целеполагания.

Оппоненты подходов, направленных на восстановление статуса национального суверенитета как извечной несущей конструкции мировой системы (обычно представители финансовых кругов) в качестве аргумента отмечают невозможность развития протекционизма: "Мы должны бороться с затуханием света глобального капитализма любыми подручными способами. Нынешнее замедление роста и политическая реакция не является какой-то "новой нормой". Это, скорее, возвращение к "старой норме", последний раз наблюдавшейся в 1930-х годах. Каким бы ни оказался правильный путь вперёд для глобальной экономики, мы точно знаем, что это не может быть возврат к изоляционизму и протекционизму той поры"⁵. Возвращение производства и его организации на преимущественно национальный уровень сегодня невозможно практически реализовать не только в связи с тем, что транснациональные корпорации – это доминирующая единица глобального производства, с её преимуществами в управлении затратами и качеством продукции, в координации спроса; более глубокая, фундаментальная причина – процессы *прехождения*⁶ капитализма и кризис национального государства как его политического олицетворения.

И. Валлерстайн считает, что капитализм, выйдя на глобальный уровень, достиг исторических границ своего развития. Проникновение его геоинституциональной идеологии на периферию одновременно продемонстрировало ограниченность дальнейшего развития.

Л. Туроу доказывает, что "вечные истины капитализма – экономический рост, полная занятость, финансовая стабильность, повышение реальной заработной платы, – по-видимому, исчезают по мере того, как исчезают его враги. Что-то изменилось внутри самого капитализма ..." (Туроу, 1999).

Сегодняшний глобальный кризис может рассматриваться как кризис *прехождения* капитализма, который, достигнув глобального уровня развития, в условиях информационной революции требовал новых систем организации производства, потребления и распределения. Но такие системы в процессе вживления в капитализм приводят к тотальной деструкции его базовых институтов. При таких условиях в перспективе доминантной производственной структурой становится глобальная корпорация, но не капиталистическая, а сетевая.

Продолжающиеся процессы *вживления информационно-сетевых способов хозяйствования в капиталистическую систему* сопровождаются трансформациями способов организации производства и реализации, сдвигами в устоявшихся структурах взаимодействия, ростом противоречий в комплементарных взаимосвязях системы, падением эффективности формальных и неформальных институтов, деструкцией ценностных основ общества, социальной дестабилизацией, кризисом домохозяйств, ростом неравенства. Всё это может расцениваться как аномальный рост социально-экономической неопределённости функционирования современной цивилизации. Как всегда в истории, это стимулирует интенсивные процессы поиска и отбора институциональных альтернатив, прежде всего, в форме острых социальных конфликтов и столкновений. Обострение проблем социального неравенства свидетельствует об устарелости существ-

⁵ Фридман А. Можно ли спасти глобальный капитализм. URL: <http://finance.liga.net/economics/2016/12/1/opinion/50803.htm>.

⁶ Актуальные трансформации капитализма мы характеризуем согласно методологии Гегеля как *прехождение*, когда, постепенно покидая экономическую авансцену, капитализм полностью не исчезает, но уходит в основу, базу новой системы, создавая почву для развития явлений, процессов и подходов, адекватных новым принципам экономической деятельности. Например, финансовые институты как базовая составляющая экономической системы переходят из капитализма в сетевую экономику, но их доминирующая функция в условиях новой экономики уже другая (в статье этот момент будет рассмотрен).

вующих форм распределения условий производства и экономической власти, и одновременно готовит те социальные силы и группы, которые будут разрушать современный капитализм.

Процессам формирования и развёртывания информационно-сетевой экономики были посвящены системные работы экономического, институционального, социологического характера. М. Кастельс, характеризуя переход к новой экономике, называет её информационной и глобальной: "...потому что в новых исторических условиях достижение определённого уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной, взаимосвязанной сети. Глобальная сеть появилась в последней четверти XX в. как результат революции в области информационных технологий, предоставившей необходимую материальную базу для создания такой новой экономики. Здесь есть историческая взаимосвязь между лежащими в основе экономики знанием и информацией, их глобальной распространённостью и революцией в сфере информационных технологий, которая породила новую, отличную от ранее существовавшей экономическую систему"⁷.

Производство и реализация продукции в глобальной сети реализуются в новых организационных формах, отличных от тех, что были присущи определённым институциональным средам капиталистической экономики (например, японская модель организации производства и менеджмента, американская модель и т.п.). Сегодня господствуют единые глобальные сетевые формы. Кастельс высказывает такой тезис: "разнообразие культурных контекстов, в которых информационная экономика возникает и эволюционирует, не мешает наличию общей матрицы организационных форм в процессе производства, распределения и потребления. Без таких организационных предпосылок ни технологические изменения, ни политика государств, ни стратегии фирм не смогли бы сойтись воедино в новой экономической системе"⁸. Таким образом, принципы единства глобальной сети выходят за рамки институционального и культурного контекста, она неисторична. Её функционирование лежит вне социоинституционального пространства, условия, принципы деятельности и её эффективность также заданы извне. Примером такого сетевого подхода в бизнесе является модель франчайзинга⁹, которая активно копирует успешные телепрограммы и шоу по всему миру. Опасность мировой экспансии "социально внешнего" состоит в том, что, по определению, его интегрирующий потенциал намного ниже по сравнению с укоренившимися формами интеграции социума, но оно (социально внешнее) может достаточно успешно их разрушать.

Возникновение и внедрение новых организационных форм связано с тем, что, с одной стороны, в 70–80-е годы шла реструктуризация капитализма, а с другой – возникали новые технологии: "появление информационной экономики характеризуется развитием новой организационной логики, которая соотносится с текущим процессом технологических изменений, но не зависит от него"¹⁰.

Реструктуризация капитализма имела своим результатом формирование мировой сети предприятий с глобальным характером деятельности,

⁷ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/03.php.

⁸ Там же.

⁹ Франшиза – объект договора франчайзинга, комплекс благ, состоящий из прав пользования брендом и бизнес-моделью франчайзера, а также других благ, необходимых для создания и ведения бизнеса. В качестве франшизы могут выступать методы ведения бизнеса, товарный знак, технология со взаимными обязательствами и льготами, предоставляемыми за плату и оформленными в соответствии с законом об охране интеллектуальной собственности.

¹⁰ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

основанных на гибком производстве и реализации продукции. Господство информационных технологий привело к тому, что ассортимент продукции начал очень быстро обновляться, требуя расширения рынка сбыта.

Таким образом, результатом процесса капиталистической трансформации и информационной революции стало формирование гибких глобальных сетей производства и реализации, характеризующихся быстрым обновлением ассортимента и качества продукции.

Ведущий американский теоретик в области социальных и политических наук Д.Белл, характеризуя социологический контекст актуальных общественных и экономических трансформаций, определяет: "Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой главную роль играет компьютер, развёртывается одновременно со становлением постиндустриального общества. Три аспекта особенно важны для понимания телекоммуникационной революции:

- переход от постиндустриального общества к сервисному обществу;
- решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций;
- преобразование новой "интеллектуальной технологии" в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений" (Белл, 1986).

Д. Белл обратил внимание на те процессы социологического и политического характера, которые будут развиваться как следствие господства информационного фактора экономической деятельности и общественной жизни человека. Благодаря этому он смог оценить содержание и последствия специфических коммуникационных трансформаций, научно-технологических инноваций в процессе производства и оценить неоднозначные последствия использования информации для осуществления контроля и властных полномочий, изменения подходов в урбанизации. В контексте нашего исследования принципиально важным является обоснование проблемы роста предложения в ограниченных условиях информационного общества: *"Современная технология открывает множество альтернативных путей для достижения уникальных и вместе с тем отличных результатов, при этом невероятно растёт производство материальных благ"* (Белл, 1986).

Важным вкладом в теоретический анализ формирования и развития информационной экономики является концепция К.Перес (Перес, 2011). Обосновывая цикличность развития экономических систем в связи с технологическими революциями, в своей работе "Технологические революции и финансовый капитал" она характеризует процессы развёртывания современной пятой (информационной) революции: "Несмотря на вторжение новых мощных технологий и новых возможностей, появившихся с приходом новой технологической революции, общество всё ещё крепко держится за старую парадигму и её институциональную систему. Мир компьютеров, гибкого производства и Интернета имеет другую логику и выдвигает другие требования, чем те, которые помогали распространиться автомобилям, синтетическим материалам, массовому производству и сети скоростных дорог. Вдруг оказывается, что старые регулятивные нормы и привычки мешают новым технологиям, неадекватны им также старые организации и институты" (Перес, 2011). Поэтому наступает кризис государственного управления, и общество нуждается в глубинном переформатировании. Называя революционные изменения в технологиях "Большим взрывом", К. Перес считает, что первые несколько десятилетий после него будут очень беспокойные, а экономические блага будут распределяться очень неравномерно. В результате будут расти протестные настроения, которые могут перерасти в открытые бунты, как это было в 1848 году в Европе на первом этапе индустриализации (Перес, 2011). Она показывает, что актуальное доминирование финансовых рынков по отношению к реальным экономическим процессам – это также закономерная тенденция, которая за-

висит от цикла: "финансовая агрессивность выступает могучей силой в развёртывании технологической революции, а именно – в распространении инфраструктуры и улучшении, а иногда даже в преувеличении преимуществ новых товаров, отраслей и технологий общего пользования" (Перес, 2011). Бум на финансовых рынках и доминирование финансового сектора как сферы инвестиционного вложения К.Перес анализирует в историческом контексте и доказывает циклический характер таких процессов, связанных с тем, что преимущества новейших технологий порождают повышенный спрос на ценные бумаги, представляющие новые отрасли, поэтому в XIX веке развитие железнодорожного транспорта и промышленности вообще, вышедшее на глобальный уровень, стимулировало рост фондовых рынков 1880–1890 годов. Развитие автомобильной промышленности в США в начале XX века, фордистская модель производства обусловили доминирование Нью-Йоркской биржи, "которая воспринималась, как мотор, приводящий в движение не только американскую, но даже мировую экономику" (Перес, 2011).

Что касается кризиса финансовых рынков, то и он является закономерной фазой цикла: рано или поздно перегрев финансовых рынков в связи и на фоне развития новых технологий всегда происходит, при этом "практическое задание – а именно создание адекватной регулятивной системы и эффективных превентивных мер – обычно решается быстро" (Перес, 2011).

Если мы проанализируем в терминах данной концепции современные кризисные процессы, то можно увидеть, что сдвиги, которые мы сегодня наблюдаем, находятся в её пределах: и внедрение новых информационных технологий, которое продолжается с 70-х годов XX в., и неэффективность формальных и неформальных институтов, и кризис национальных государств, и рост неравенства, и протестные настроения. Впрочем, есть определённые различия.

Во-первых, кризис, который был связан с активными финансовыми вложениями в информационные технологии, – кризис "доткомов", состоялся задолго до современных бифуркационных процессов, в начале 2000-х. Главным фактором, спусковым крючком современной глобальной финансово-экономической и общественной нестабильности стал кризис задолженности домохозяйств.

Здесь следует принимать во внимание, что, согласно К. Перес, период активного вживления новейших технологий в старые организационные и институциональные системы часто сопровождается активным привлечением населения в финансовые операции. Так было в начале 1920-х годов, когда каждая вдова имела финансовые активы (Перес, 2011). Понятно, что именно этот социальный слой всегда принимал на себя самые большие тяготы кризиса.

Но кризис задолженности домохозяйств 2007–2008 годов имеет совсем другую природу – это кризис последних попыток реанимировать капиталистический способ хозяйствования через его индустриальную материальную составляющую. Последняя в условиях деиндустриализации западных стран была представлена только инфраструктурой – жилищным строительством, которое давало массовый растущий спрос.

Во-вторых, быстрого решения регуляторных проблем на сегодняшний день не произошло (кризис длится уже практически десятый год), и сегодня мы продолжаем наблюдать глубокие системные сдвиги в мировом взаимодействии.

На поверхность выходят глубинные противоречия, которые актуализировались в течение современного кризиса по линии тесно связанного развития геополитических союзников и сателлитов: ЕС и США.

Европа находится в общесистемном кризисе и теряет не только экономические, но и институциональные и социогуманитарные импульсы

для посткризисного развития. При этом США, являясь источником кризисных процессов, тем не менее, быстрее пережили кризисные тенденции, чем Европа. Данные Еврокомиссии свидетельствуют о том, что из-за рецессии и слабого кредитно-инвестиционного процесса в ближайшем будущем страны ЕС не смогут достичь потенциального ВВП, тогда как для США эта перспектива становится реальностью уже в 2018 году (ECB, 2014). Аналитики МакКинзи свидетельствуют, что банковская система США среди всех развитых стран лучше других справилась со "встречными ветрами, и итоги недавних президентских выборов дают надежду на более благоприятную регуляторную среду"¹¹.

Причина относительно быстрого восстановления экономики и финансово-банковского сектора США здесь не только в том, что США остаются доминантным глобальным игроком; так, по данным Доклада о мировых инвестициях 2015 ООН, именно США принадлежат крупнейшие в мире приобретения на рынке "слияний и поглощений" – 120024 млн долл., при этом ни одна европейская страна ни до кризиса, ни после неё не достигла такого уровня¹². Более влиятельным фактором мы считаем здесь внутренние механизмы организации экономической деятельности и регулирования в США. Следует учитывать, что Соединенные Штаты – "родина" сетевых подходов в организации сбыта, производства и регулирования, которые становятся доминирующими в условиях нового технологического перехода. Иерархические подходы, развивающиеся сегодня в ЕС, явно противоречат актуальной информационно-сетевой парадигме, которая предполагает высокий уровень автономии единиц, составляющих структуру целого.

В ЕС сегодня пытаются выстроить чёткую иерархическую структуру наднационального регулирования с явным преимуществом последнего по отношению к национальным интересам и институтам государств-членов ЕС. Вступая в конфликтное взаимодействие с наднациональными институтами, экономические агенты национального уровня нарушают системное равновесие не только эндогенных экономических пространств, а всего экономического и институционального пространства ЕС. Проблема суверенных долгов государств – членов ЕС создала условия для общеевропейской турбулентности. Результатом её углубления стало формирование отрицательной комплементарности государств и финансовых институтов, которая, имея истоки в национальных пространствах, достигла общеевропейского масштаба, при этом все наднациональные меры по её решению пока не дают желаемых результатов.

Трансформационные процессы в Соединенных Штатах также добавляют неопределённости последующим мировым трендам. В США продолжают сегодня многовекторные процессы, однозначно квалифицировать которые очень сложно, взять хотя бы приход к власти Д.Трампа, проводника национальной идеи и защиты национальных интересов. Что это может означать для мира, в котором США представляют собой страну-глобализатора, – изменение геополитического тренда, кризис глобализма как парадигмы, или расширение сферы влияния национальной американской идеи до уровня всего глобального пространства?

Следует учитывать важную тенденцию реиндустриализации США, идеи которой возникли ещё до Трампа. Сегодня риторика возвращения производства в США становится всё более громкой. В этом контексте возникает вопрос, как минимизировать конфликт по линии взаимодействия государства и транснациональных корпораций, и обосновать необходимость переноса производства из стран с дешёвой рабочей силой в США. Вторым вопросом в этом контексте является взаимодействие сетевых ме-

¹¹ A brave new world for a global banking? URL: <http://www.mckinsey.com/industries/financial-services/our-insights/a-brave-new-world-for-global-banking>.

¹² Доклад о мировых инвестициях 2015. URL: <http://www.worldinvestmentreport.org/ru/>.

ханизмов организации экономической деятельности, которые постепенно занимают доминирующее положение, с возвращённой промышленностью. Причём первым фактором неопределённости является отсутствие квалифицированной рабочей силы и отсутствие специфического менеджмента, "заточенного" под управление промышленными процессами.

Указанные процессы возвращения промышленности будут болезненными как в контексте инвестиционного обеспечения перехода на преимущественно информационно-сетевые принципы деятельности, так и в аспекте необходимых социоинституциональных трансформаций, связанных с обеспечением производства рабочей силой необходимой квалификации и культуры восприятия производственного процесса. Тогда это возвращение промышленности может стать взрывным механизмом для американской экономики.

М.Кастельс¹³, обосновывая экономическую эволюцию от индустриальных форм к информационно-сетевым, рассматривает модель массового производства как базовую. Её субъектом была большая корпорация, с чёткой вертикально-интегрированной системой производства и реализации продукции. Залогом максимального экономического успеха была экономия на масштабе, которая достигалась в процессе изготовления стандартизированной продукции в конвейерном производстве. При этом спрос также определённым образом контролировался со стороны корпорации через использование специфических форм маркетинга и менеджмента.

Глобальная диверсификация рынков и потеря контроля над спросом вследствие технологической революции выдвинули новые требования к мировым корпорациям, им следовало постепенно отходить от систем массового производства.

Предварительным ответом на новые условия стала гибкая производственная система. "Гибкие производственные системы с большим объёмом выпуска, обычно связанные с растущим спросом на данный продукт, объединяют высокие объёмы выпуска, что позволяет обеспечить экономию на масштабе производства, приспособленными для работы под конкретный заказ, легко программируемыми производственными системами, позволяющими экономить на размахе операций. Новые технологии позволяют перестроить сборочные линии, характерные для крупной корпорации, в набор легко программируемых производственных единиц, которые могут быстро реагировать на вариации рынка (гибкость продукции) и на изменения в технологии (гибкость процессов)". В то же время следует понимать, что глобальные корпорации как составная единица мировой экономики остались и будут доминировать, изменилась их организационная форма: с иерархической на сетевую.

Новейшие технологии как залог конкурентной победы сделали обновление ассортимента и качества продукции единственно возможным путём развития глобальных корпораций. При этом цикл производства значительно сократился, объёмы продукции к реализации постоянно росли, в этих условиях нужна была специфическая система реализации продукции, которой стала сеть, с её основной целью – *созданием спроса*.

Капиталистическая экономика постоянно наталкивается на проблему реализации произведённой продукции, ведь спрос на неё лежит вне желаний и воли капиталиста. Отсюда и кризисы перепроизводства, которыми пестрела капиталистическая экономика ранних стадий развития. Р. Люксембург (*Люксембург*, 1934) указывала на экзогенный характер процессов формирования спроса по отношению к процессам производства. В своей работе "Накопление капитала" она написала: "...именно в произволе и анархии, господствующих на рынке, даёт себя чувствовать зависимость отдельного капиталиста от общества, от совокупности про-

¹³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура.

изводящих и потребляющих отдельных членов его. Для расширения процесса воспроизводства ему нужны дополнительные средства производства и рабочая сила, а также средства существования для её обладателей, но наличие всех этих элементов зависит от таких моментов, обстоятельств и фактов, которые совершаются за его спиной совершенно независимо от него. Чтобы он был в состоянии реализовать возросшую массу своих продуктов, ему нужен расширенный рынок сбыта, но фактическое расширение спроса вообще и спроса на товары поставляемого им сорта в частности представляет собой явление, по отношению к которому он совершенно безвластен".

И. Валлерстайн, характеризуя основное противоречие капитализма, доказывал: "В то время как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует максимизации изъятия прибавочного продукта из непосредственного потребления большинства, в долгосрочной перспективе непрерывное производство прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан только перераспределением удалённого дополнительного продукта. Поскольку эти два соображения направлены в противоположные стороны (это и есть "противоречие"), система переживает постоянные кризисы, которые в долгосрочной перспективе её ослабляют и одновременно делают для привилегированных игру, не стоящую свеч" (Валлерстайн, 2006).

Если для капитализма проблема спроса является фундаментальной проблемой этого способа производства, то проблема создания массового спроса в информационно-сетевой экономике решается в сетевой системе реализации продукции, задачей которой является создание искусственного спроса на продукцию глобальных корпораций, которые постоянно обновляют ее ассортимент.

В то же время спрос должен быть монетизированным. Монетизация растущего искусственного спроса может быть реализована двумя путями: ростом доходов (заработной платы) или ростом кредитной составляющей потребления. В условиях, когда массовое производство инновационных товаров в странах с дешёвой рабочей силой диктует снижение среднего уровня заработных плат, достижение упомянутой цели монетизации спроса становится возможным только за счёт потребительского кредита. Таким образом, рост финансовой интегрированности домохозяйств – это механизм нейтрализации кризиса перепроизводства глобальных корпораций.

Если в капиталистической экономике кредит нужен для процесса производства, то в информационно-сетевой для обеспечения реализации продукции. Массовое производство невозможно без снижения расходов за счёт снижения зарплаты, что компенсируется путём роста кредитования и финансового привлечения домохозяйств.

К. Перес исследовала эволюцию капиталистического способа производства и рассматривала информационно-сетевую экономику как пятую стадию. Однако информационно-сетевая экономика – это уже не капитализм; она трансформирует не только цели, механизмы и способы организации производства, распределения, обмена и потребления. Она влияет на то, что Ф. Бродель называет "материальной цивилизацией", на сектор домохозяйств, на институциональную основу капиталистического общества: среднее предприятие. Поэтому это уже не иерархическая капиталистическая экономика, основанная на ценностно-институциональных основах, а абсолютная новая – сетевая.

Дж. Богл, характеризуя процессы развития капитализма, написал: "В XVIII–XIX вв. в британской экономике господствовали квакеры, возможно, благодаря своей легендарной простоте и экономии они накопили капитал, который можно было бы инвестировать. Квакеры владели больше, чем половиной британских металлургических предприятий и играли ключевые роли в банках, производстве потребительских товаров и транс-

атлантической торговле. Забота о надёжности, абсолютная честность и чёткое ведение отчётности обеспечила доверие в операциях с другими квакерами, и другие наблюдательные купцы пришли к выводу, что доверие других людей идёт рука об руку с успехом в бизнесе. Эгоизм нуждался в добродетели" (Богл, 2011). Именно поэтому А. Смит делал выводы о "невидимой руке", которая направляет индивидуальные потребности к общему общественному интересу, – он характеризовал современное ему общество, его ценности и институциональное наполнение.

Развитие капитализма стало возможным благодаря закреплению прав собственности, победе научного рационализма, рынкам капитала и развитию инфраструктуры и коммуникаций. В той же мере можно утверждать, что развитие капитализма стало возможным благодаря ценностям и доверию, которые стимулировали формирование долгосрочных экономических связей, основанных на взаимной выгоде. И эта система работала достаточно эффективно, несмотря на кризисы, практически до второй половины XX в. Причём главным её достоянием было то, что "система в целом не давала чрезмерных выгод одним за счёт других" (Богл, 2011). Иначе говоря, постепенно капитализм приобрел определенное социальное качество.

Сегодня социальное качество экономических процессов приобретает новые черты. Социальным считается развитие потребительского кредитования, а не всеобщее бесплатное образование. Мир стремится к всеобщей финансовой интегрированности, хотя именно она привела к социальной катастрофе многие домохозяйства во время последнего кризиса. Глубинность трансформаций современного этапа эволюции глобальной экономической системы подтверждается деструкцией базового института, составляющего основу капиталистического хозяйства – источника массового спроса, – домохозяйства, что на поверхности экономических явлений представлены общесистемной проблемой неравенства и нищеты населения.

Институты капитализма прямо или косвенно выполняли социальную функцию, сетевые подходы постепенно нивелируют институциональное влияние на экономические, социальные и общественные процессы. Для сетей более характерны модели поведения, исключаящие ценностные основы взаимодействия, поэтому сегодня мир движется в направлении, которое требует очень тщательного исследования.

Литература

- Белл Д. (1986). Социальные рамки информационного общества. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс. С. 330–342.
- Богл Д.К. (2011). Битва за душу капитализма; пер. с англ. А. Калинина. Москва: Изд. института Гайдара. 424 с. С. 40.
- Валлерстайн И. (2006) Миросистемный анализ: введение. Москва: Территория будущего, 2006. С. 175.
- Гриценко А.А. Корнівська В.О. (2016) Суперечливість та комплементарність реконструктивного розвитку інституціональної системи. *Філософія фінансової цивілізації: людина у світі грошей*. Київ: ДВНЗ "Університет банківської справи". С. 56–71.
- Кастельс М. (2000) Глобальный капитализм. Экономические стратегии, №3, с. 14–25.
- Люксембург Р. (1934). Накопление капитала. Т I и II. 5-е изд. Москва; Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство. 463 с. С. 16–17. URL: <http://propaganda-journal.net/bibl/rl.pdf>.
- Мунтян М.А. (2010). Глобализм. *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН. Т. I*. Москва: Мысль. 744 с. С. 533.
- Перес К. (2011). Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания; пер. с англ. Ф.В.Маевского. Москва: Дело АНХ, 2011. 232 с.
- Стиглиц Дж. (2015). Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему; [пер. с англ.]. Москва: Эксмо. 512 с. (Тор Economics Awards)
- Туроу Л.К. (1999) Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир; [пер. с англ.]. Новосибирск: Сибирский хронограф, 430 с.
- Фурчери Д., Лунгани П. (2016). Открывая возможности для неравенства. *Финансы и развитие*, март 2016. С. 43–46.

ECB (2014) Capital markets union – the “Why” and the “How”. *Dinner speech by Yves Mersch, Member of the Executive Board of the ECB, Joint EIB-IMF High Level Workshop*, Brussels, 22 October 2014.

References

- Bell D. (1986). Social'nye ramki informacionnogo obshhestva [The social framework of the information society]. *Novaja tehnokraticeskaja volna na Zapade*. Moskva: Progress. P. 330–342. (In Russian)
- Bogi D.K. (2011). Bitva za dushu kapitalizma [The battle for the soul of capitalism]; per. s angl. A. Kalinina. Moskva: Izd. instituta Gajdara. 424 p. P. 40. (In Russian)
- Vallerstajin I. (2006) Mirosystemnyj analiz: vvedenie [Mirosystem Analysis: Introduction]. Moskva: Territorija budushhego, 2006. P. 175. (In Russian)
- Hrytsenko A.A. Kornivska V.O. (2016) Superechlyvist ta komplementarnist rekonstruktyvnoho rozvytku instytutsionalnoi systemy [Contradictory and complementary to the reconstructive development of the institutional system]. *Filosofii finansovoi tsyvilizatsii: liudyna u sviti hroshei*. Kyiv: DVNZ "Universytet bankivskoi spravy". P. 56–71. (In Ukrainian)
- Kastel's M. (2000) Global'nyj kapitalizm [Global capitalism]. *Jekonomicheskie strategii*, №3, p. 14–25. (In Russian)
- Ljuksemburg R. (1934). Nakoplenie kapitala [Accumulation of capital]. T I i II. 5-e izd. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo. 463 p. P. 16–17. URL: <http://propaganda-journal.net/bibl/rl.pdf> (In Russian)
- Muntjan M.A. (2010). Globalizm [Globalism]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija: v 4 t. / In-t filosofii RAN. T. I*. Moskva: Mysl'. 744 p. P. 533. (In Russian)
- Peres K. (2011). Tehnologicheskie revoljucii i finansovyj kapital. Dinamika puzyrej i periodov procvetanija [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of bubbles and periods of prosperity]; per. s angl. F.V.Maevskogo. Moskva: Delo ANH, 2011. 232 p. (In Russian)
- Stiglic Dzh. (2015). Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu [The price of inequality : how today's divided society endangers our future]: [per. s angl.]. Moskva: Jeksmo. 512 p. (Top Economics Awards) (In Russian)
- Turou L.K. (1999) Budushhee kapitalizma. Kak segodnjashnie jekonomicheskie sily formirujut zavtrashnij mir [The future of capitalism. How today's economic forces shape tomorrow's world]; [per. s angl.]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 430 p. (In Russian)
- Furcher D., Lungani P. (2016). Otkryvajja vozmozhnosti dlja neravenstva [Discovering the possibilities for inequality]. *Finansy i razvitie*, mart 2016. P. 43–46. (In Russian)
- ECB (2014) Capital markets union – the “Why” and the “How”. *Dinner speech by Yves Mersch, Member of the Executive Board of the ECB, Joint EIB-IMF High Level Workshop*, Brussels, 22 October 2014. (In English)

Поступление в редакцию 15.06.2017 г.

GLOBAL TRANSFORMATION PROCESSES: GLOBAL CAPITALISM IN THE DEVELOPMENT OF INFORMATION AND NETWORK ECONOMY

Valeriia Kornivskaia

Author affiliation: PhD in Economics, Researcher, Department of Economic Theory Institute for Economics and Forecasting of NAS of Ukraine. Email: vkornivska@ukr.net.

The author considers the transformation of capitalist system under the influence of information and network management methods, accompanied by the deepening conflict in the global system of coordinates, a decrease in the efficiency of formal and informal institutions, destruction of the value foundations of the society, and social destabilization. Analyzed the growing contradictions of the closely related geopolitical allies and satellites, the EU and the US; thus concluded that effective overcoming of the crisis tendencies in the US is related to the dominance of network approaches in the organization and regulation of production that are basic in the new technological wave. However, the hierarchical approaches that are now developing in the EU in the course of the anti-crisis reform clearly contradict the actual information and networking paradigm that provides a high level of autonomy of the units that make up the whole structure. It has been found that the deep transformation of the financial and credit institutions during the transition from capitalism to the information and network economy is changing the economic purpose of loan as a basic financial institution in market economy: under capitalism, loan is mainly used to ensure the production process, while in the information and network economy it is used to monetize the demand for the realization of the growing produce of global corporations.

JEL: P 43.